

УДК 81`33
DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-496-505

Особенности грамматической репрезентации гендерных паттернов поведения в конфликте в уэльсской разновидности английского языка

Галеева А.И.

Высшая школа экономики,
Россия, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
galeeva.arina@yandex.ru

Аннотация. При возрастающем уровне социальной напряженности в мировом сообществе необходим поиск методов вербализации паттернов поведения в конфликте и эмоциональных реакций на конфликт. Большинство исследований по данной тематике посвящены сугубо лексическим средствам вербализации паттернов поведения в конфликте, тогда как без анализа грамматической составляющей не представляется возможным формирование целостного представления об исследуемом феномене. В связи с этим целью исследования является выявление преобладающих представлений о гендерно-специфических грамматических моделях репрезентации конфликта в контексте англоязычного сообщества Уэльса. Материалом исследования с применением корпусной методологии послужил роман уэльского писателя Н. Гриффита “Broken Ghost”. Сделаны выводы о преобладающих функциональных особенностях грамматической репрезентации конфликта: сосредоточенности на внутреннем субъективном конфликте, повышении уровня абстракции для представлений о «феминном» языке конфликта и склонности к асертивной репрезентации конфликта для «маскулинных» представлений.

Ключевые слова: конфликт, гендер, релативизация, грамматическая метафора, парцелляция

Для цитирования: Галеева А.И. 2024. Особенности грамматической репрезентации гендерных паттернов поведения в конфликте в уэльсской разновидности английского языка. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 496–505. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-496-505

Grammatical Representation of Gender-Specific Patterns of Behaviour in a Conflict in Welsh English

Arina I. Galeeva

Higher School of Economics,
11 Pokrovsky Boul., Moscow 109028, Russian Federation
galeeva.arina@yandex.ru

Abstract. With the increasing level of social tension in the global community, it is necessary to search for methods of behavioural patterns verbalization in conflict and emotional reactions to conflict. Most studies on this topic are devoted exclusively to lexical means of verbalizing patterns of behavior in conflict, whereas it is impossible to form a holistic view of the phenomenon under study without analysing the grammatical component. In this regard, the aim of the study is to identify the prevailing ideas about gender-specific grammatical models of conflict representation in the context of the English-speaking community of Wales. The novel “Broken Ghost” by the Welsh writer N. Griffith served as the research material using the corpus methodology. Conclusions are drawn about the prevailing functional features of grammatical representation of conflict: focus on internal subjective conflict, an increase in the level of abstraction for ideas about the “feminine” language of conflict and a tendency toward an assertive representation of conflict for “masculine” representations.

Keywords: conflict, gender, rhematization, grammatical metaphor, parcellation

For citation: Galeeva A.I. 2024. Grammatical Representation of Gender-Specific Patterns of Behaviour in a Conflict in Welsh English. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 496–505 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-496-505

Введение

Тенденция к региональному сепаратизму является одной из острых проблем современного глобального сообщества. Стремление к сецессии становится причиной открытого силового конфликта в десятках стран по всему миру. Латентные проявления сепаратистских настроений характерны для еще более широкого спектра государств, и не последнее место в этом списке занимает Соединенное Королевство. По данным агентства независимого анализа социо-политических конфликтов ACLED, только за последние три года в Британии зафиксировано более пяти тысяч случаев проявления протестов на почве национального самоопределения¹. При этом Уэльс неизменно занимает одну из лидирующих позиций по уровню поддержки сепаратистских настроений [Нарочницкая, 2015, с. 41].

Становление антропоцентрической парадигмы в науке обуславливает возрастающий интерес к исследованию инструментальных составляющих конфликта. Проблематика сепаратизма рассматривается уже не исключительно с точки зрения геополитических или экономических факторов [Sautman, 2014; Gehring, Schneider, 2020]. Конфликт анализируется в рамках психологического [Ray, 2018], социокультурного [Hale, 2014; Kaul, 2018], правового исследования [Stern, 2021]. Движущей силой политического конфликта в целом и регионального сепаратизма в частности становится личность во всем многообразии ее субъективных репрезентаций («эмоций, чувств, интуиции, размышлений» [Hale, 2014, p. 42], «человеческого достоинства» и «гендерной динамики» [Hale, 2014, p. 49]).

Возрастающая актуальность проблематики регионального сепаратизма и смещение фокуса внимания в конфликте в сторону индивидуальных особенностей его участников не может не находить отражение в языке. Бесспорна роль гендера в конституировании личности говорящего [Kiesling, 2015]. С учетом этого очевидна возрастающая потребность в сравнительном лингвистическом анализе феминной и маскулинной моделей поведения в конфликте, а также преобладающих в коммуникативном сообществе представлений о таких моделях. Следует отметить, что, хотя изучению особенностей языка конфликта посвящен достаточно широкий пласт исследований [Шейгал, Дешевова, 2009; Соловьянова, 2020; Богинская, 2022; Abdullaev, 2022], вопросами его гендерной специфики озадачивается небольшое число авторов [Верзун, 2005; Shepherd, 2010], причем все доступные нам исследования были посвящены лексико-семантическим и лексико-стилистическим моделям языкового поведения в конфликте (например, использованию стилистически окрашенной лексики, метафорического [Yang, Gao, 2023; Chen, He, 2024] и метонимического переносов, зевгмы). Изучение функциональной грамматической составляющей языка конфликта при этом, насколько мы можем судить, остается косвенным и фрагментарным.

Так, исследование Е.В. Соловьяновой отмечает среди грамматических средств репрезентации агональности риторические вопросы и противительные союзы [Соловьянова, 2020, с. 11–12]. Такое предпочтение, вероятно, объясняется прозрачностью связи между лексемами с компонентом значения «конфликт, противостояние» и агональностью как составляющей языковой личности, а также следующей из этой прозрачности очевидной эффективностью метода семантического анализа для выявления

¹ The Armed Conflict Location & Event Data Project. 2022. ACLED. URL: <https://acleddata.com/data-export-tool/> (дата обращения: 15.11.2022).

таких лексем. Тем временем именно грамматические средства выразительности передают идею конфликта имплицитно, через рематизацию отдельных компонентов высказывания, а значит, требуют функционально-семантического анализа. При этом нельзя отрицать значение грамматических экспрессивных средств для языка конфликта: рематизируя с помощью парцелляции, инверсии и повтора соответствующий компонент высказывания, они выступают выразителями модальной рамки высказывания, ставят слово в пропозициональные отношения [Гак, 1998, с. 206]. Другими словами, наше знание о лингвистике конфликта без анализа грамматики не может быть целостным.

Исходя из вышесказанного, целью настоящего исследования является выявление преобладающих грамматических моделей, характерных для маскулинного и феминного языка конфликта в контексте англоязычного сообщества Уэльса.

Объекты и методы исследования

Исследование проводилось на материале романа англоязычного уэльского писателя Найла Гриффитса "Broken Ghost". Широкое признание, полученное романом, позволяет судить о репрезентативности отраженных в нем представлений о паттернах поведения, признанных характерными для членов коммуникативного сообщества. Роман написан на уэльской разновидности английского языка.

Данный материал представляет интерес с точки зрения гендерного исследования, так как повествование ведется попеременно от лица трех персонажей – двух мужчин и женщины, что позволяет автору передать характерные для англоязычного коммуникативного сообщества Уэльса представления о моделях маскулинного и феминного речевого поведения в конфликте. Персонажи находятся в приблизительно одинаковых жизненных ситуациях – это социально незащищенные жители Уэльса, страдающие от ряда проблем (безработица, низкий уровень жизни, склонность к зависимостям и асоциальному поведению).

Эмпирический материал исследования был поделен на два корпуса: в первом собраны главы романа, в которых повествование ведется от лица мужчин, во втором – от лица женщины. Для того, чтобы данные обоих корпусов были сопоставимы, выборка эмпирического материала каждого корпуса была нормализована методом десятичного масштабирования (на 10 000 единиц корпуса, с округлением до целых).

В ходе корпусного анализа выборки были выявлены следующие средства грамматической экспликации конфликта: риторический вопрос, эллипсис, номинализация, абсолютная номинативная конструкция, абсолютная именительная причастная конструкция, назывное предложение, повтор, парцелляция, инверсия, синтаксический параллелизм. Общее число случаев грамматической экспликации конфликта, отобранное посредством метода сплошной выборки, превысило 700 единиц.

Отметим, что в ходе отбора случаев грамматической экспликации конфликта не учитывался ряд грамматических конструкций, являющихся характерной региональной чертой уэльской разновидности английского языка. Наиболее распространенный пример – повтор подлежащего и компонента сказуемого в постпозиции:

(1) *an if he keeps speakin-a me like Am jes out-a <...> nursery he's goin over-a side, he is, into-a <...> river.*

‘а если он продолжит со мной так разговаривать, будто он только <...> из яслей, то он полетит, полетит прямо <...> в реку’

Данная структура не может рассматриваться как грамматическое средство выразительности (экспрессивный повтор), так как является языковой нормой для уэльской региональной разновидности английского языка¹. Такие случаи не были включены в анализируемую выборку.

¹ Crystal D. 2019. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge Cambridge University Press. P. 355.

Результаты и обсуждение

Каждый случай грамматической репрезентации конфликта был подвергнут функционально-семантическому анализу: были определены субъекты конфликта, а также механизм рематизации компонента значения противостояния. В результате была сформулирована модель гендерной репрезентации конфликта в аспекте регионального сепаратизма.

Результаты исследования демонстрируют в первую очередь значительно более высокое число случаев грамматической экспликации идеи конфликта в маскулинном корпусе (118 единиц на 10 000 в маскулинном корпусе и 58 единиц на 10 000 в феминном корпусе). Основные паттерны для маскулинного корпуса (по критерию субъекта конфликта) включали в себя модель внутреннего противостояния говорящего собственным вредным привычкам и пристрастиям, модель противостояния тяжелым социально-экономическим условиям жизни, а также модель противостояния с «другими», а именно с англичанами. Превалирующие модели в феминном корпусе включали внутреннюю борьбу с мрачными перспективами будущего, борьбу с саморазрушительными паттернами поведения (алкогольная и наркотическая зависимость), противодействие тяжелым ментальным состояниям (депрессии, апатии).

Каждая представленная в выборке модель конфликта (рис. 1) была проанализирована с точки зрения частотности применения для ее экспликации конкретных грамматических паттернов. В некоторых примерах для репрезентации модели конфликта применялось более одного грамматического средства, поэтому сумма в ряде примеров превышает количество единиц каждой конкретной модели в выборке.

Результаты анализа гендерно-специфичных механизмов грамматической репрезентации конфликта в аспекте регионального сепаратизма представлены в таблице после нормализации на 10 000 единиц с округлением до целых.

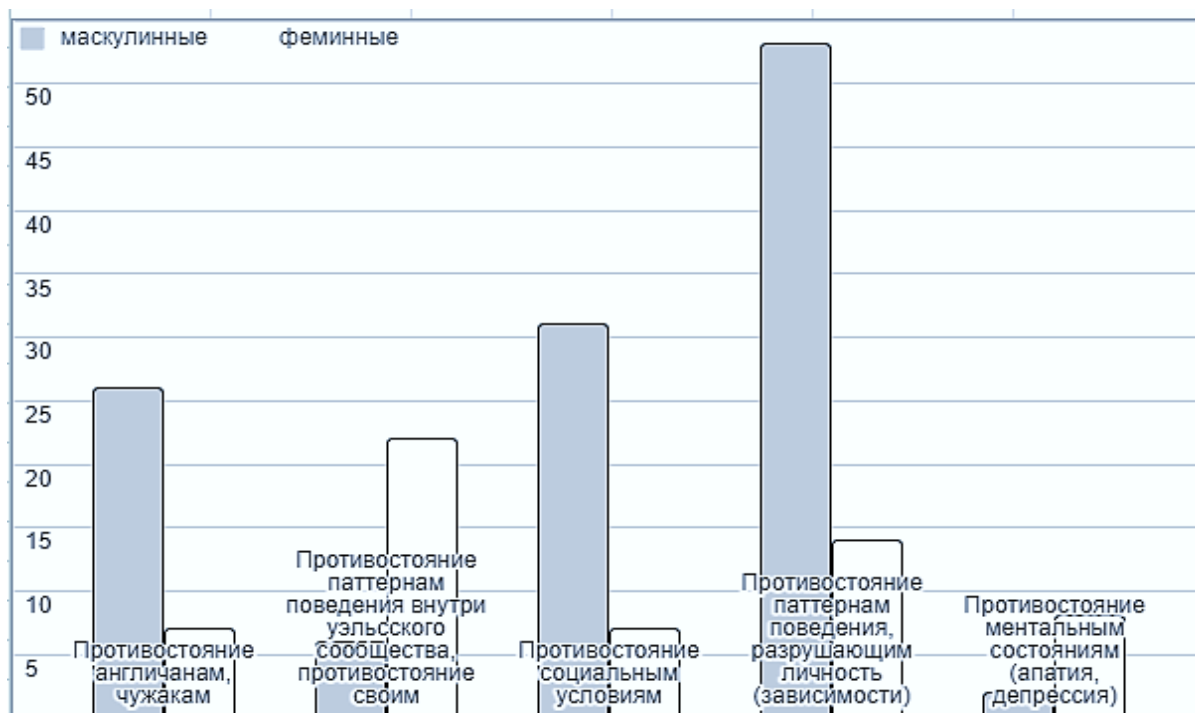

Рис. 1. Рематизируемые компоненты значения противостояния в маскулинном и феминном языке конфликта (норм. на 10 000 ед.)

Fig. 1. Rhematization of masculine- and feminine-specific patterns of behaviour in a conflict (normalised by 10 000 units)

Гендерно-специфические механизмы грамматической репрезентации конфликта (норм. на 10 000 ед.)
 Gender specific patterns of grammatical representation of conflict (normalized by 10 000 units)

Модель конфликта с точки зрения субъекта	Средства грамматической репрезентации конфликта	
	в маскулинном корпусе	в феминном корпусе
Противостояние саморазрушительным паттернам поведения	инверсия (3), эллиптические высказывания (34), риторические вопросы (2), парцелляция (2), повтор (17)	номинализация (10), эллиптические высказывания (6)
Противостояние социальным вызовам	эллипсис (9), риторические вопросы (10), парцелляция (6), повтор (7)	модель недостаточно широко представлена в выборке
Противостояние чужаку	эллипсис (14), инверсия (18).	модель недостаточно широко представлена в выборке
Противостояние своим	модель недостаточно широко представлена в выборке	повтор (7), сравнительные обороты (4), риторические вопросы (6), эллипсис (7), номинализация (8)
Противостояние тяжелым ментальным состояниям	модель недостаточно широко представлена в выборке.	эллипс (7), парцелляция (3).

Модель «внутреннее противостояние паттернам поведения, способным навредить субъекту»

В маскулинном корпусе грамматические средства используются преимущественно для рематизации компонента высказывания, связанного с пагубными пристрастиями (к алкоголю и наркотикам), с помощью приема повтора, а также с помощью эллиптического высказывания.

(2) *I'm thirsty. So thirsty. The familiar thought creeps in. Just one. <...> One won't hurt. Except it <...> will. It'll hurt me and everyone around me. It'll hurt everything. Just the one and it'll end in only one way and that'll be chaos and <...> ruin.*

‘Я хочу пить. Так хочу пить. Закралась знакомая мысль. Только один. <...> Один ведь не повредит.

Только <...> повредит. Повредит мне и всем вокруг меня. Повредит всему. Всего один бокал, а закончится все хаосом’.

Находящийся в пабе герой произведения, относительно недавно вставший на путь освобождения от тяжелой алкогольной зависимости, ведет внутренний диалог с самим собой, пытаясь убедить себя, что один бокал спиртного не вызовет серьезных негативных последствий. Рематизация компонента *thirsty* ‘испытывающий жажду’ за счет повтора его в эллиптической конструкции является в данном случае средством выражения интенсивности внутреннего противостояния героя. Если предложение *I'm thirsty* ‘Хочу пить’ передает нейтральную семантику высказывания, то прием повтора в эллиптической конструкции является средством выражения внутренней модальной рамки высказывания – подчеркивает напряженность противостояния.

Интересно, что в феминном корпусе данная модель конфликта реализуется в относительном большинстве случаев употребления за счет приема грамматической метафоры – номинализации.

(3) *You've been letting men <...> grab you, hurt you. <...> Because. Because – I don't know any <...> because. I don't know any why.*

‘Ты позволяла мужчинам <...> трогать тебя, делать тебе больно. <...> Потому что. Потому что – я не знаю никаких <...> потому что. Я не знаю, почему. Потому что казалось, что нет другого выхода. <...> Потому что благодаря этому все остальное отступало на задний план’.

Главная героиня Эмма убегает от тяжелых жизненных обстоятельств с помощью близкого общения с мужчинами, склонными к неуважительному обращению с противоположным полом, к беспорядочным связям и насилию. Пытаясь объяснить самой себе, чего она ищет от подобных небезопасных физически и психологически контактов, она использует номинализацию. Вместо конгруэнтной формулировки *I would like to feel protected* ‘Я хочу чувствовать себя защищенной’, Эмма использует номинализацию *protection* ‘защищенность’, вместо прямого высказывания *I feel vulnerable* ‘Я чувствую себя ранимой’ использует безличное *vulnerability* ‘ранимость’. Интересен пример, приведенный выше, в котором героиня в формате внутреннего диалога с самой собой использует номинализацию, построенную по модели конверсии, применяя слова *why* ‘почему’ и *because* ‘потому что’ в качестве существительных, заменяющих конгруэнтное высказывание *why I did this* ‘почему я это сделала’. Прием номинализации и здесь выполняет функцию повышения абстрактности высказывания и, как следствие, снятия с себя персональной ответственности за поступок. Особенно ярко это видно «на фоне» того, как Эмма выстраивает диалог своего внутреннего противостояния: обвинения в легкодоступности сформулированы от второго лица, героиня активно избегает конкретных формулировок, которые возложили бы на нее ответственность за происходящее.

При обсуждении данной модели важно отметить, что несмотря на то, что данная модель не связана напрямую с проблематикой регионального сепаратизма, в исследуемом романе герои рассматривают пагубные привычки в качестве защитного механизма и реакции на невозможность изменения объективной социальной среды, что видно из приведенных выше примеров, где герои воспринимают свои привычки как способ побега от реальности (*Because it made everything go away* ‘Потому что благодаря этому все отступало на задний план’).

Модель «противостояние социальным вызовам»

Для маскулинного корпуса характерна грамматическая репрезентация агональности через прием риторического вопроса. Более четверти всех единиц выборки маскулинного корпуса приходятся на этот механизм экспликации противостояния. Автор использует риторические вопросы для выражения целого ряда значений: агрессии, отчаяния, подавленности, возмущения реальностью. В следующем примере данный инструмент служит для представления отчаянного нежелания безработного героя выходить на предложенную биржей труда должность:

(4) *Twelve-hour days for buttons, slogging me bollax off?*

‘Двенадцатичасовой рабочий день за копейки, работать до посинения? Не очень-то хочется, брат’.

В данном примере персонаж впервые делится с другом информацией о предложенной работе. Новость эта совсем его не радует: ему предстоит работать по двенадцать часов в день за минимальную оплату, которая не позволит ему свести концы с концами. Вместо нейтрального изъяснительного предложения, которое требуется с точки зрения логики для передачи сообщения-описания предложенного поста, автор вкладывает в уста своего персонажа возмущенный и отчаянный вопрос. Эмоциональную коннотацию в данном случае несет не только обценная лексика, но и вопросительная грамматическая конструкция.

Модель «противостояние чужаку»

Еще один распространенный инструмент грамматической экспликации конфликта, характерный для маскулинного корпуса, – инверсия. В выборке представлены случаи инвертированной постановки компонента сказуемого (*Making me feel horrible, he is* ‘Заставляет меня чувствовать себя ужасно, он заставляет’), определения в постпозиции (*the tight curls all matted and knotty with sweat and dust* ‘жесткие локоны, запачканные и спутанные из-за пота и пыли’), обстоятельства в начало предложения (*In all the bedsits, in all the pokey flats at extortionate rents, at all the foodbanks <...> the same <...> thing goes on.* ‘Во всех крошечных квартирках за грабительскую арендную плату, во всех благотворительных центрах бесплатного питания <...> происходит <...> одно и то же’). Инверсия применяется автором для усиления компонентного значения агрессии и асертивности жителей Уэльса по отношению к англичанам.

Рассмотрим следующий пример:

(5) *And of course there's always some <...> prick who thinks that yer not quite suffering enough for their liking <...> An there he is, knobhead at the bar, fin haircut and Home Counties accent, bound to be a student, wearing a shirt with '20' on the back...*

‘И, разумеется, всегда есть <...> какой-нибудь придурок, который думает, что ты страдаешь недостаточно <...>. Вот он, идиот за барной стойкой, с красивой прической и королевским акцентом, должно быть, какой-то студент в футболке с двадцаткой на спине...’

Сюжет истории прост: главный герой с друзьями смотрит в баре спортивный матч, в котором команда Уэльса играет против англичан. Уэльс терпит сокрушительное поражение. Разочарование и едва сдерживаемую агрессию болельщики переносят на бармена – английского студента. Все в нем – от футболки болельщика и идеальной прически до классического «королевского» акцента – вызывает злость местных. Инверсивное использование приложения в постпозиции служит средством рематизации обценного *knobhead* ‘идиот’, а также некоторых деталей, его характеризующих. Инверсия фактически придает нейтральным по своей сути деталям (прическа, особенности речи) эмотивную окраску, негативную коннотацию.

Модель «противостояние своим»

В противоположность тенденции маскулинного корпуса активно выражать состязательность по модели «против англичан», против «чужаков», превалирующая модель реализации противостояния в феминном корпусе – критика поведения жителей Уэльса, «своих». С долей безысходности звучат рассуждения о моделях поведения, исполненных бессмысленной жестокости в одних случаях или лишенных чувства собственного достоинства и желания отстаивать свои интересы – в других. Превалирующий механизм грамматической экспликации модели – риторические вопросы, эллиптические конструкции и грамматическая метафора.

Рассмотрим следующий пример:

(6) *But that silent slumped demeanour that **the beaten-into-resignation** always have. <...> how will the memory of this affect them kids?*

‘А это молчаливое подавленное выражение, которое всегда на лицах покоренных. <...> Как воспоминание об этом повлияет на их детей? Они ведь навсегда запомнят, как мама умоляла с сопливым носом в общественном месте. Страшно подумать, как это будет влиять на их взросление’.

Номинализации в данном высказывании подвергается целое словосочетание *beaten into resignation* ‘покоренные’. Номинализация в данном контексте служит, с одной стороны, средством экстраполяции (имплицитно заставляет реципиента распространить модель поведения одной женщины на всех представителей социума Уэльса), а с другой – выступает средством повышения абстракции (снимает личную ответственность говорящего за аналогичное поведение).

Модель «противостояние тяжелым ментальным состояниям»

Данная модель тесно переплетается с моделью противостояния саморазрушительному поведению. Это вполне объяснимо тем, что вредные привычки являются для героев романа способом избежать реальности, возможностью забыться. Однако если персонажи-мужчины не часто вербализуют эксплицитно свое противостояние апатии и депрессии, то в феминном корпусе эта модель третья по распространенности.

Интересен следующий механизм:

(7) *This is the time when IT usually sets in, when I'm back home after dropping Tom off at the school. Around half nine.*

‘В это время обычно ЭТО наступает, когда я возвращаюсь домой, отвезя Тома в школу. В районе половины девятого’.

Эмма (главная героиня романа) на протяжении всего повествования отчаянно борется с депрессией, вызванной тяжелыми жизненными обстоятельствами, – пытается отвлечься на любимого сына, прогулки по родным местам, любование пейзажами. В приведенном примере компонент *around half nine* ‘в районе половины девятого’, рематизированный с помощью приема парцелляции передает степень накала внутренней борьбы Эммы: парцеллированный сегмент несет коннотацию регулярности и неизбежности «прилива» тягостных мыслей.

Заключение

Восприятие состязательности, конфликтности членами коммуникативного сообщества претерпевает значительные изменения с течением времени. Современная постмодернистская концепция восприятия конфликта все чаще сосредоточена не на объективной специфике противостояния, а на влиянии конфликта на личность, на субъективном опыте участников конфликта. Агональность воспринимается как способ конструирования языковой и личностной идентичности говорящего: в процессе собственной борьбы с внешними и внутренними вызовами формируется и меняется внутренний мир личности, конструируются преобладающие тактики самоидентификации и самореализации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о преобладающих гендерных характеристиках языкового поведения в конфликте. Маскулинная агональность обладает ярко выраженным эксплицитным ассертивным характером: преобладающие модели противостояния имеют направленность во внешний мир (борьба с «чужаками», с тяжелыми социальными условиями, внешними проявлениями саморазрушительного поведения без анализа внутренних психологических стимулов к такому поведению). Феминная агональность, напротив, имеет рефлексивный, созерцательный тон: наиболее распространенные паттерны интернализированы (борьба с негативными проявлениями внутри собственной общины, борьба с негативными ментальными проявлениями и их последствиями — саморазрушительными привычками). Грамматическая репрезентация конфликта, характерная для обоих гендеров, служит средством выражения напряженности противоборства, повышения уровня абстрактности повествования, а также средством выражения универсальности обсуждаемой проблематики. Для маскулинного языка конфликта наиболее распространенными паттернами грамматической репрезентации агональности являются эллиптические конструкции, повтор, инверсия, для феминного — эллиптические конструкции, повтор и грамматическая метафора (номинализация).

Полученные данные и сформированная на их основе модель вербализации конфликта может быть полезна исследователям в сфере гендерной лингвистики, преподавателям, занимающимся формированием навыков говорения, в особенности в формате дебатов, и всем интересующимся языком.

Список литературы

- Богинская О.А. 2022. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 76: 5–27. DOI: [10.17223/19986645/76/1](https://doi.org/10.17223/19986645/76/1)
- Верзун А.Б. 2005. Гендерная агональность политического дискурса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 24 с.
- Гак В.Г. 1998. Языковые преобразования. Москва, Школа Языки русской культуры, 769 с.
- Нарочницкая Е.А. 2015. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности. *Актуальные проблемы Европы*, 1: 32–55.
- Соловьянова Е.В. 2020. Агональность в академическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 24 с.
- Шейгал Е.И., Дешевова В.В. 2009. Агональность в коммуникации: структура понятия. *Вестник Челябинского государственного университета*, 34(172). Вып. 36: Филология. Искусствоведение: 145–148.
- Abdullaev R.F. 2022. Situational modality as a vital element of gender constructed speech. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(10): 1494–1499. DOI: [10.17516/1997-1370-0070](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0070)
- Chen C., He Q. 2024. A Corpus-Based Study of Metaphor of Modalization in English Academic Writing. *Sage Open*, 14(1): 1–15. DOI: [10.1177/21582440241229809](https://doi.org/10.1177/21582440241229809)
- Gehring K., Schneider S.A. 2020. Regional resources and democratic secessionism. *Journal of Public Economics*, 181(C). DOI: [10.1016/j.jpubeco.2019.104073](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2019.104073)
- Griffiths N. 2020. Broken Ghost. UK, Vintage Books, 356 p.
- Hale S. 2014. The new Middle East insurrections and other subversions of the modernist frame. *Journal of Middle East Women's Studies*, 10(3): 40–61. DOI: [10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40](https://doi.org/10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40)
- Kaul N. 2018. India's obsession with Kashmir: democracy, gender, (anti-)nationalism. *Feminist Review*, 119: 126–143. DOI: [10.1057/s41305-018-0123-x](https://doi.org/10.1057/s41305-018-0123-x)
- Kiesling S.F. 2015. Coates, Jennifer. 2013. Women, men and everyday talk. *Journal of Language and Sexuality*, 4(2): 288–291. DOI: [10.1075/jls.4.2.06kie](https://doi.org/10.1075/jls.4.2.06kie)
- Ray S. 2018. Ethnic inequality and national pride. *Political Psychology*, 39(2): 263–280. DOI: [10.1111/pops.12406](https://doi.org/10.1111/pops.12406)
- Sautman B. 2014. Self-representation and ethnic minority rights in China. *Asian Ethnicity*, 15(2): 174–196. DOI: [10.1080/14631369.2014.880588](https://doi.org/10.1080/14631369.2014.880588)
- Shepherd L.J. 2010. Women, armed conflict and language – Gender, violence and discourse. *International Journal of the Red Cross*, 877(92): 143–159. DOI: [10.1017/S1816383110000093](https://doi.org/10.1017/S1816383110000093)
- Stern S. 2021. “Separate, Therefore Equal”: American Spatial Segregation from Jim Crow to Kiryas Joel. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 7(1): 67–90. DOI: [10.7758/RSF.2021.7.1.05](https://doi.org/10.7758/RSF.2021.7.1.05)
- Yang B., Gao H. 2023. Polarity metaphor in English: Definition, identification and categorization. *Lingua*, 295(3): 103623. DOI: [10.1016/j.lingua.2023.103623](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2023.103623)

References

- Boginskaya O.A. 2022. Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom. *Tomsk State University Journal of Philology*, 76: 5–27 (in Russian). DOI: [10.17223/19986645/76/1](https://doi.org/10.17223/19986645/76/1)
- Verzun A.B. 2005. Gendernaya agonal'nost' politicheskogo diskursa [Gender agonality of political discourse]. Abstract dis. ... Cand. Philolog. Sciences. Volgograd, 24 p.
- Gak V.G. 1998. Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations]. Moscow, Publ. Shkola Yazyki russkoi kul'tury, 769 p.
- Narochnitskaya E.A. 2015. Separatism: Varieties, typology and European realities. *Urgent problems of Europe*, 1: 32–55 (in Russian).
- Solov'yanova E.V. 2020. Agonal'nost' v akademicheskome diskurse [Agonality in academic discourse]. Abstract. dis. ... cand. Philolog. sciences. Voronezh, 24 p.
- Sheygal E.I., Deshevova V.V. 2009. Agonality in Communication: Notion Structure. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 34(172). Vol. 36: Philology. Art history: 145–148 (in Russian).

- Abdullaev R.F. 2022. Situational modality as a vital element of gender constructed speech. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(10): 1494–1499 (in Russian). DOI: [10.17516/1997-1370-0070](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0070)
- Chen C., He Q. 2024. A Corpus-Based Study of Metaphor of Modalization in English Academic Writing. *Sage Open*, 14 (1): 1–15. DOI: [10.1177/21582440241229809](https://doi.org/10.1177/21582440241229809)
- Gehring K., Schneider S.A. 2020. Regional resources and democratic secessionism. *Journal of Public Economics*, 181(C). DOI: [10.1016/j.jpubeco.2019.104073](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2019.104073)
- Griffiths N. 2020. *Broken Ghost*. UK, Vintage Books, 356 p.
- Hale S. 2014. The new Middle East insurrections and other subversions of the modernist frame. *Journal of Middle East Women's Studies*, 10(3): 40–61. DOI: [10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40](https://doi.org/10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40)
- Kaul N. 2018. India's obsession with Kashmir: democracy, gender, (anti-)nationalism. *Feminist Review*, 119: 126–143. DOI: [10.1057/s41305-018-0123-x](https://doi.org/10.1057/s41305-018-0123-x)
- Kiesling S.F. 2015. Coates, Jennifer. 2013. Women, men and everyday talk. *Journal of Language and Sexuality*, 4(2): 288–291. DOI: [10.1075/jls.4.2.06kie](https://doi.org/10.1075/jls.4.2.06kie)
- Ray S. 2018. Ethnic inequality and national pride. *Political Psychology*, 39(2): 263–280. DOI: [10.1111/pops.12406](https://doi.org/10.1111/pops.12406)
- Sautman B. 2014. Self-representation and ethnic minority rights in China. *Asian Ethnicity*, 15(2): 174–196. DOI: [10.1080/14631369.2014.880588](https://doi.org/10.1080/14631369.2014.880588)
- Shepherd L.J. 2010. Women, armed conflict and language – Gender, violence and discourse. *International Journal of the Red Cross*, 877(92): 143–159. DOI: [10.1017/S1816383110000093](https://doi.org/10.1017/S1816383110000093)
- Stern S. 2021. “Separate, Therefore Equal”: American Spatial Segregation from Jim Crow to Kiryas Joel. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 7(1): 67–90. DOI: [10.7758/RSF.2021.7.1.05](https://doi.org/10.7758/RSF.2021.7.1.05)
- Yang B., Gao H. 2023. Polarity metaphor in English: Definition, identification and categorization. *Lingua*, 295(3): 103623. DOI: [10.1016/j.lingua.2023.103623](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2023.103623)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.09.2024

Received September 24, 2024

Поступила после рецензирования 02.12.2024

Revised December 02, 2024

Принята к публикации 10.12.2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Галеева Арина Ильгамовна, аспирант, преподаватель Школы иностранных языков, Высшая школа экономики, г. Москва, Россия.

Arina I. Galeeva, Postgraduate Student, Tutor of School of Foreign Languages, Higher School of Economics, Moscow, Russia.